

Легенда о настоящем человеке

«Сегодня на космодроме мы торжественно открываем памятник в честь столетия со дня рождения Николая Дмитриевича Маслова (1971), первого марсианина, выдающегося конструктора, космонавта, героя, сумевшего усовершенствовать конструкцию летательных аппаратов, и рискнувшего жизнью, доказывая правильность своего изобретения. Он стал примером храбрости и самоотверженности, и сегодня здесь присутствует его внук, который все так же отрицает инопланетный след в истории покорения красной планеты. Однако, мы-то с вами знаем...» Аркадий Захаров, заметка в «АиФ», 2071 г., космодром «Северный».

2024 г., космодром «Северный».

Сознание возвращалось нехотя, будто его заставляли оживать пинками. Кровь в висках стучала допотопным паровым молотом, грозясь проломить череп изнутри, в ушах гудело, а все тело тряслось, словно на вибростенде. Техник космодрома Митрич даже не предполагал, что похмелье может обратиться таким кошмаром, хотя, чего душой кривить, в этом вопросе он разбирался почти профессионально. Но сейчас каждый дрожащий от непонятной истерики нерв в его теле подсказывал: так плохо быть просто не может.

- Боже, - прохрипел он, пытаясь хотя бы перевернуться на другой бок, - говорил же я – паленый Хеннеси. Нет же. Подарок... Сдохнешь тут...

С третьей попытки Митричу так и не удалось даже оторвать руку от пола, на котором он лежал. Он испуганно косился на собственную морщинистую кисть, вены выпирали так, что наверное могли прорвать желтоватую сухую кожу.

Только бы не паралич. Брошу пить. Вот только отпустит – обещаю, брошу.

Он почти минуту не мог сообразить, где находится. Взгляд упирался в перекрученную лапшу цветных проводов где-то в метре над ним, подсвеченных цветными лампочками, будто обезумевшая елочная гирлянда. Сознание немного прояснилось, но гул отнюдь не прошел, а наоборот сделался еще невыносимее.

Так. Надо вспомнить. Ну, хоть что-то, а?

Перед глазами, словно на старой фотопленке, замелькали обрывки кадров вчерашней пьянки. Вот они с главным конструктором раскупоривают подаренный коньяк, вот Степаныч жалуется, сколько попилили при организации полета... А вот Митрич – в ответ – сетует на криворукость американских техников, приехавших настраивать свои части систем на космическом корабле совершенно нового типа, и умевших работать только по бумажке.

- Чек! – визгливо кричал один, высунувшись из технической дверцы, пока другой вносил какие-то данные в планшет, зачеркивая очередной пункт.

Не было у них ни конструкторского вдохновения, ни искры творческого безумия. Лучше б роботов прислали, прости господи. А потом затуманенный похмельем разум таки поставил в один ряд несколько слов: «корабль», «гул» и «коньяк».

Мысль леденила, как ком снега за шиворот, никогда еще он не трезвел настолько стремительно. Мужчина кое-как перекатился на бок и окончательно узнал «шкаф», в котором очнулся. Маленькое техническое помещение с консолями для ручного управления кораблем *изнутри*...

- Я сплю, - с надеждой обратился к Вселенной Митрич, - а когда проснусь, нахрен брошу пить. На год. Или на два. Честное слово.

«От себя не уйдешь, но попытки продолжаются», - не без сарказма заметил внутренний голос.

Ладно. Гул и перегрузка – это могли быть нагрузочные тесты, а? На стенде? Полет же был не на сегодня назначен? Нечеловеческим усилием мужчина перевернулся уже на живот и, цепляясь пуговицами куртки за все стыки напольных панелей, пополз в сторону внутреннего люка, ведущего к отсекам для экипажа и главной рубке. Панель отъехала вверх, пропустив человека в коридор. И он двинулся дальше тем же манером кита, выброшенного на сушу, проклиная про себя – себя-идиота, конструктора, а главное – чертов паленый Хеннеси.

Так, еще пять метров, потом там будет кто-то из тестирующих этот аппарат техников, вечно хмурый рыжий Витька, кажется? Может, еще и обойдется. Может, даже и не уволят за очередную пьянку на работе.

«Не с твоим везением», - снова хмыкнул скептически внутренний голос.

А вот интересно, все эти диалоги с самим собой – это как, нормально? Или уже дорога к мягкой палате, белому халату, а то и тапочкам под цвет?

Когда следующая панель пропустила его внутрь рубки управления, Митрич окончательно убедился что он либо тронулся умом, либо все-таки спит, потому что первое, что он увидел, едва приподняв голову от пола – удивленная морда гориллы, пристегнутой к одному из четырех белых кресел.

- Трандец, - констатировал мужчина, - это ж уже даже не белочка...

- Хэллоу! – отозвался до идиотизма жизнерадостный голос и сильным акцентом. – Вы кто?

Второе кресло занимал человек в оранжевой форме, положенной международному экипажу, и, похоже, он был близким родственником Майка Тайсона. Широкоплечий, с хорошими глазами и открытой улыбкой честного человека. Он был в том возрасте, когда уже защищают докторскую, но еще любят комиксы.

- Я не понимаю, простите, - едва перекричал гул незнакомец.

Митрич осознал и заткнулся: звонкая река мата пресеклась. Судя по строчкам на центральном мониторе, похмельный техник находился во взлетающем космическом корабле непонятно с кем. А еще он вчера в этом самом корабле что-то такое химичил. По пьяни.

- Трандец, - еще раз повторил Митрич и бессильно уронил голову на руки.

- Тран Дес? Ваше имя? – все не унимался родственник боксера. – Доктор Самди.

Горилла, оставшаяся безымянной, пока хранила солидное молчание, разглядывая нового компаньона не по-звериному разумными глазами.

- Вы должны сесть в кресло, Тран. Пере... груз. Иначе можете страдать.

Это да. Митрич страдал. Он бы вообще рвал на себе волосы, если бы только мог оторвать руки от пола. В этот момент огромная лапища, напоминавшая хваткой железную клешню, потащила его за шиворот в сторону свободного кресла. Мужчина позволил кое-как усадить себя и пристегнуть ремнями. Теперь его мысли занимал единственный вопрос: а есть ли у него хоть один шанс вернуться на Землю?

Когда перегрузки сменились, наконец, невесомостью, ожил центральный экран для связи, и через несколько секунд помех на нем появились перекошенная физиономия начальника технического департамента космодрома «Северный» Олега Нестеренко.

- Николай Дмитриевич, - тридцатилетний сын генерального, до сегодняшнего дня искренне полагавший, что ему перепала неплохая синекура, выглядел бледным и перепуганным как вызванный к доске двоечник, - у нас планерка утренняя тут... а вас нет... Пропускная система показала, что вы вошли в отсек, но не вышли...

Да, блин, именно планерка сейчас – самое важное.

- А я – тут вот, - в тон малолетнему начальнику развел руками Митрич, - лечу.

- Да как вы туда попали-то?! – Олег, казалось, сейчас упадет в обморок, опрокинув неизменный кофейный стаканчик из старбакса на легкий голубой пиджак.

- Проверял, что все в порядке, и заработался.

- Как это – проверяли? Вы же даже не инженер!

- Кстати, об инженерах: где главный? Василий Степанович?

Олег помялся немного, пряча глаза, но все же ответил.

- Мы не знаем, на работу не явился, телефон не берет.

- И вчера на корабль по лестнице влезть не смог, - ляпнул Митрич, поймав вспышку только что вернувшегося короткого воспоминания, и тут же прикусил себе язык.

Вечер прошел в русском стиле – пили, курили, разве что морды не били. Василий Степанович, незабвенный, с которым вчера упомянутый Хеннеси и дегустировали, вправду не смог забраться по лесенке. Грузный, пожилой, он ставил ногу на ступеньку, хватался, как утопающий за перила, а потом заваливался в сторону, и Митричу приходилось ловить собутыльника. А тот отмахивался, и рычал своим хриплым басом из всклокоченной бороды – уйди, уйди! Надо поправить! Разобьются же к чертовой матери!

На слове «разобьются» Митричу резко поплохело.

- Подождите... То есть как это – влезть не смог? А где вообще охрана была?

- Как это – где? – взъярился внезапно, наверное, со страху, астронавт-невольник. – Дед Владлен спал! Ему восемьдесят! Что вы на меня такими глазами смотрите? Да ваш же отец урезал ставку два месяца назад, старые охранники уволились дружно, а новых откуда брать?

- Вакансия висит на сайте... - начал Олег, но замолчал.

- Вы лучше вот что скажите, выбраться отсюда как-то можно? К МКС пристыковаться или еще как?

- Мы что-нибудь придумаем! Не волнуйтесь, Николай Дмитриевич ... - но бегающие глазки начальника были красноречивее любой жизнеутверждающей лжи. - Вы же знаете, какие у нас специалисты тут...

«Ага. Именно что знаю, - подумал техник. - это – конец».

После прошлой волны бонусов начальству, заказов комплектующих через фирму-посредника, принадлежавшую брату главного, после повышения представительских расходов на нормальных программистов и инженеров, разумеется, не хватило. Работали такие, как Василий Степанович, старик почти уже, душой болеющий за «эту чертову ракету», жаждущий передать багаж своих огромных знаний хоть кому-то из молодых. А еще были студенты, зеленые пацаны, совмещающие работу с дипломной практикой, и поэтому работающие за гроши. Гениальная идея директора по развитию – «Науку в вузы! Студентам эксклюзивный опыт на прорывном проекте» - а на деле, способ сэкономить на нормальных специалистах. Это конец.

- ...твою мать! – закончил, наконец, сложную тираду техник.

- Вам сейчас просто нужно успокоиться, Николай Дмитриевич, иначе, конструктива у нас не получится.

Просто успокоиться. Интересно, можно было бы дать более дурацкий совет? Впрочем, не хочешь получать идиотские советы – не делись с идиотами своими проблемами

- Значит так, Олег, - Митрич потер лицо руками, все еще не в силах смириться с действительностью, - позовите-ка вашего отца. Поговорить надо.

- Зачем? – еще не забытый страх, от фразы «вызываю отца в школу», колыхнулся в глазах начальника отдела.

- Затем. В полдень пресс-конференция, чего журналистам говорить будем?

- Но... Для журналистов подготовлен пресс-релиз, вряд ли уже возможно изменить сценарий...

- Да они на прямом включении будут, дубина! – взорвался, наконец, несчастный космонавт. – Америкоса этого увидят, гориллу и меня еще!

- Да-да, вы правы, я сейчас позвоню отцу, - на бледном лице парня отразилась смесь обреченности и облегчения – все же, теперь разгрести этот бардак будет не он. – Пап, привет, у нас тут нештатная. Зайди прямо сейчас. Суперсрочно. Не по телефону. Спасибо.

А потом голубые глаза вновь уставились на Митрича, и теперь в них плескалось откровенное изумление:

- Погодите... Какая еще горилла?

Пока, отключив связь, ждали старшего Нестеренко, Михаила Юрьевича, Митрич уставился на попутчиков. Американец собирал какой-то прибор, а горилла преспокойно подавала ему по очереди то шуруповерт, то тестер для электричества, удерживая ящик с инструментами, все норовящий улететь под потолок.

- О! Мистер Тран! – обрадовался потерянный в детстве брат Тайсона. – Вы поговорили с коллегами? Вы знаете, когда у нас связь с ЮЭсЭй?

- Они еще позвонят, - неловко отмахнулся техник, - вы мне лучше скажите – это вот кто? Откуда на борту – обезьяна? И как вы говорили, вас зовут?

- Доктор Фрэнсис Самди, - протянул руку американец, - очень приятно.

- Николай... - он хотел добавить «Дмитриевич», но не стал.

- Николай Тран Дес... Ох, у вас такие сложные имена, - поправлять его не хотелось. – Могу я вас звать, как раньше, Тран?

- Можете-можете, горилла-то откуда?

Парень помялся несколько секунд, а потом только руками развел и обезоруживающе улыбнулся.

- Теперь мы можем быть откровенны, раз уж назад пути нет. Это – контрабанда.

- В каком это смысле? – напрягся Митрич.

- Я привез его сюда в контейнере для оборудования. Нет-нет! Вместе с огромным запасом еды, так что на этот счет не волнуйтесь. Но Джек – не обычная горилла.

Не обычная горилла угукнула и помахала отверткой.

«Мне нужно выпить. Причем, срочно».

- Он, понимаете ли, - продолжил подбирать слова Фрэнк, - результат эксперимента.

Коллеги в лаборатории вырастили внутри тела гориллы человеческий мозг. Никто не дал бы ему жить спокойно, датчики, исследования, а в итоге усыпление и вскрытие. Я должен был помочь. Так что, у нас на борту – как это вы говорите? Кролик?

- Заяц, - машинально поправил техник, - горилла – заяц.

Джек протянул волосатую ладонь с длинными гибкими пальцами, дружелюбно глядя в глаза Митричу.

«И ведь этот день еще только начался...»

Какого черта, а? Техник ответил на предложенное рукопожатие. Теперь он окончательно уверился, что все происходящее – сон. Неисправный корабль, запущенный к Марсу, в котором накануне копался пьяный, из экипажа – доктор чего-то, техник-алкоголик и разумная горилла. Прэлес-с-с-стно.

Джек поднял, висящий на мощной шее планшет и написал на сенсорном экране: «Мы не знали, что русские пришлют еще одного астронавта». Митрич пару секунд тараторил на надпись, осознавая, что огромное волосатое животное не забыло поставить запятую в сложноподчиненном предложении.

- Ты... э-э-э... Вы говорите по-русски? – только и уточнил он.

- Джек... как это называется? А! Полиглот. Говорит восемь языков. У него IQ193. «Поправочка. Доктор неизвестно чего, техник-алкоголик и гениальная горилла».

- Знаете, - Митричу внезапно стало смешно, как не было уже очень-очень давно, - а я на самом деле тут как бы тоже не совсем по своей воле.

- Как это?

- Проверял вчера ночью проводку за обшивкой, присел на минуту, устал и уснул. Проснулся уже, когда взлетели.

Американец и примат обменялись долгими взглядами, наконец, Джек пожал плечами и похлопал сочувственно техника по плечу.

- Одно радует, - улыбнулся Фрэнк, довольно легко принявший действительность то ли в силу возраста, то ли характера, - еды я взял навалом, в расчете на Джека. На троих хватит до следующего корабля.

Он надеется долететь до Марса. Видал оптимиста? Оу, как говорят янки.

В это время замигала лампочка на панели управления возле надписи ЦУП, и Митрич, подлетев ближе, снова уцепился за поручень возле экрана. На сей раз появилось изображение злого, как черт, Нестеренко старшего. Единственным твердым убеждением в жизни этого краснолицего человека, был тезис, что если счастье и не купишь, то в роскошной машине хотя бы переживать его отсутствие приятнее.

- Ты какого хрена творишь... - начал он гроыхать раскатами луженой глотки, но техник прервал бывшего босса, без намека на пиетет:

- У вас на борту подведомственного объекта – безбилетный алкоголик и разумная горилла. Какой расизм? Да я не про доктора Самди! Пресс-конференция с прямым включением – через четыре часа. Давайте договариваться, а то скажу ж правду, под суд пойдете, а у вас пенсия на носу.

- Что?! – взревел Нестеренко, выкатывая блекло-синие глаза и в момент краснея.

- Водички плотните. Удар так хватит.

- Да я тебя... - начал большой босс, и внезапно замолчал.

- Ага, - кивнул Митрич, - именно, лично мне-то терять уже нечего. А вот вам – есть.

На широком круглом лице Нестеренко старшего отразилась целая гамма эмоций – гнев, изумление, осознание и, наконец, страх. О да, стоило погибнуть, геройски пытаясь спасти корабль, взамен этого выражения ужаса. Большой босс сейчас напоминал «карикатуру на начальника» из старого, советского еще журнала. Можно было дожидаться включения для прессы, да и сдать бывшего босса со всеми его делишками. Впрочем, у Митрича внезапно появился выбор. То, чего он был лишен уже почти полжизни.

- Значит так, я знаю, у вас бонусный фонд есть. Хе-хе, сэкономленный. Что? Да весь космодром про него знает. Пять лямов переведете моей жене. Если она до трансляции подтвердит мне, что все в порядке – прикрою вас.

- И речи быть не может!

- А вы подумайте спокойно минутку. А потом ответьте еще раз.

Тот подумал и, похоже, лучше осознал ситуацию.

- Николай Дмитриевич, так дела не делаются, - принялся крутить Михаил Юрьевич, - Да вы сами подумайте, я просто не успею... В начале следующего месяца...

- Или сейчас, или я все расскажу. И про студентов вместо нормальных инженеров, и про отсутствие охраны, и про зарплаты, и про комплектующие втридорога через подставную контору. Все слухи соберу, я вообще много чего знаю.

- Ты не посмеешь!

Митрич оскалился, начав напоминать голодного упыря из старых фильмов ужасов.

- А ты даже не представляешь, на что способен человек, осознавший, что выхода у него нет.

- Это шантаж!

- Это – моральная компенсация.

- А я скажу, что ты сам в ракету залез! Чтобы меня же потом этим шантажировать!
Жизнь твоя все равно – никчемная! Алкаш долбаный!

- Да, пожалуйста, - техник даже рассмеялся от подобных угроз, - проверять-то все равно тебя будут, не меня.

Мужчины молчали почти минуту.

- Четыре, - хмуро предложил, наконец, Нестеренко.

- Да что ты! Я ж теперь террорист-смертник, я – не торгуюсь.

- Хрен с тобой! Но только попробуй о чем-то неправильном заикнуться! Я тебя...

Мужчины помолчали еще с минуту.

- Н-да, - подвел итог бывший начальник, так и не придумав ни одной стоящей угрозы.

- Ага, - согласился Митрич, - и не забудь, мне подтверждение нужно.

- Будет тебе подтверждение. С женой твоей наверняка все журналисты поговорить захотят.

- Ну, так и не тратьте время.

- До связи, - буркнул Михаил Юрьевич, отключаясь.

Джек и доктор Самди смотрели на Митрича с большим любопытством.

«Не слишком хороший человек. Ваш босс?»

Технику очень захотелось сплюнуть на пол, но в невесомости этот жест изрядно терял в выразительности.

- «Хороший»? Многие люди живы, только потому, что убивать противозаконно. Вот «хороший» человек как раз из таких.

«Почему?»

- Разваливают страну. Стратегическим же объектом управляет. И что делает? Тут денег украл, там на системе безопасности сэкономил, премию сыночку внеочередную выписал, а в итоге... А...да что я вам рассказываю.

Но нахмурившегося доктора Самди интересовали совершенно иные детали произошедшего разговора.

- Так вы есть – террорист? – оч-чень осторожно полюбопытствовал, наконец, Фрэнк. – Самый настоящий? А во имя какой веры?

- Террористы, это не во имя веры, - буркнул Митрич, усиленно размышляя, не хватил ли он лишки с этими миллионами, - это по большой глупости или за большие бабки.

- А вы?

- А я пошутил так. Хотя, если вдуматься, то, наверное, тоже – за бабки. Мне о сыне позаботиться нужно.

«Хорошо, когда есть семья,- философски заметил Джек, - и когда есть, о ком заботиться».

- Да мы как бы не совсем семья, - пояснил техник, сам не зная, зачем изливает душу двоим незнакомцам, эффект попутчика что ли? – жена ушла, сына забрала, ему семнадцать, поступать в этом году...

Эта рана все еще кровоточила, хоть и прошло уже больше года. Время конечно лечит, но примерно как в больнице для бедных.

- Поступать? – снова не понял Фрэнк.

- В университет.

«Поступит, - уверенно вывел на планшете Джек, - в любой вуз. Сын одного из первых марсиан же! Кто не захочет такую экзотику себе заполучить?»

Митрич с минуту смотрел, не мигая, а когда снова смог осмысленно поддерживать диалог, казалось, в глубине его глаз зажглась давным-давно погасшая лампочка.

- Точно,- словно сам себе не веря, проговорил он, - Данька ж теперь сын не алкаша никому не известного, а реально героя. И Ольга... Никто ж не скажет им правды, а еще и деньги если... и по телевизору... Джек! Вы – молодчина! Правда же... - и снова затряс черную кожаную ладонь. – Мне-то и в голову не пришло...

Через два часа лампочка «ЦУП» замигала снова, настоятельно требуя внимания.

Невольный космонавт включил связь, и чуть не забыл, как дышать.

По ту сторону экрана сидели они.

Ольга, взволнованная, покрасневшая, с блестящими, как спелые вишни, круглыми глазами. Она надела нарядное синее платье и то и дело теребила пальцами длинную сережку в левом ухе. Данька в пиджаке и при галстук (явно, костюм на выпускной купили) тоже смотрел на отца так, как не смотрел лет с пяти, когда тот катал мальчишку на плечах, бегая по морскому мелководью и поднимая кучу брызг. С восторгом.

- Ну, здравствуй...

- Привет, Оль...

- Коля, нам деньги перевели, - только и проговорила жена.

- Хорошо, - улыбнулся Митрич, жалея остро, что не сможет больше обнять эту еще не растерявшую былую красоту чуть полноватую женщину.

Идиот был, не ценил. И потерял. А ведь они – самое важное, что есть в жизни. Да важнее самой жизни, что уж там.

- Там такие деньжищи... Господи, да что я несу. Коля! Ты что вправду – на Марс летишь? Я же даже не думала. Какая же я дура, Коля. Думала, пьешь, думала, все, конченный человек, а ты... - она внезапно всхлипнула.

- Пап, ты вправду герой, - подал ломающийся еще басок Данька, пытаюсь сделать так, чтоб голос не дрожал, - я не думал даже. Мы очень тебя любим, пап. Мы так гордимся...

- А я-то как вас люблю! – и на какую-то минуту пропал рано постаревший, и вовсе спивающийся техник Митрич, а вернулся вместо него Коля Маслов. Подающий надежды выпускник МИФИ, талантливый физик, увлекающийся электроникой. Умный человек, как все советские парни, в глубине души мечтающий совершить подвиг, и беззаветно обожающий жену и сынишку. Жаль, что этот «талантливый» и «подающий» не пережил «лихих девяностых», когда вся наука оказалась в глубокой и отнюдь не метафорической дыре. А вот и подвиг. На старости-то лет.

Им дали совсем немного времени, минут пятнадцать, за которые они пытались наговориться на всю жизнь вперед. Митрич пытался запомнить каждую мелочь. Как завивается локон на белой шее жены, как идет ей светло-розовая помада. И что еще важнее – сын – пробивающиеся усики, отросшие волосы, которые он на идиотский подростковый манер забирал ободком, руки крепкие, совсем отцовские. И все не мог он наглядеться.

И все было, как в тумане, запомнил только, что Ольга с Данькой обещали раз в месяц записывать короткие видео и отправлять их вместе с другими данными из ЦУПа.

Когда место семьи по ту сторону монитора снова занял Нестеренко старший, Митрич едва сдерживался, чтоб не пустить скупую мужскую слезу.

- Ну, доволен? – буркнул бывший большой босс, впрочем, похоже, он уже не был в такой ярости, как в предыдущий сеанс. – Очень твои журналюгам понравились. Что для нас отличный пиар. Наука и космос с человеческим лицом, так сказать. История

одного героя. Спросили, правда, почему твоего имени в списках на подготовку не было, так я сказал, что ты гениальный инженер, ученый, полетел обеспечивать безопасность тобой же сконструированных систем. А там с божьей помощью, глядишь, долетите, глядишь первую конструкцию развернете, а еще через годик за вами уже побольше корабль последует. По вашей же траектории.

«Себя успокаивает, - подумал Митрич, - долетим – не долетим, там еще бабушка на двое...»

- Доволен, - кивнул техник.

Такой разговор с семьей стоил даже возможного печального исхода. «Так лучше, чем от водки и от простуд».

- Так, все. Сейчас будем выводить вас на прямую связь с прессой. Позови американца.

- А Джека?

- Джека? Он вроде Фрэнк?

- Джек – горилла.

Нестеренко сморщился, будто его заставили разжевать целый лимон.

- Митрич, ну какая горилла? К нормальным мужика белочка приходит, а к тебе прям гориллы сразу? Сколько ты вчера выпил?

Космонавт обернулся к зоне кресел и помахал рукой.

- Джек! Лети-ка сюда.

На морде зверя появилось шkodливое выражение, он ловко оттолкнулся от своего кресла и вплыл в зону видимости камеры.

- Рры! – негромко, но угрожающе проговорило существо с интеллектом гения, и юмором подростка.

На Нестеренко было приятно посмотреть. Он покраснел, потом побледнел и вцепился руками в подлокотники до посиневших ногтей.

- Митрич... Что это, а? Откуда это?

- А это, Юрьич, - в тон бывшему боссу отозвался техник, - эксперимент: как под воздействием открытого космоса обезьяна в человека превратится. Теорию Дарвина в школе проходил? Во-о-от! Мы его уже научили шурупы отверткой выкручивать.

Умный, зараза.

Несколько секунд Нестеренко напоминал выброшенную на берег здоровую рыбину, а потом взорвался:

- Какой еще эксперимент?! Ты в край долбанулся?! Как животное попало внутрь?! – если опустить нецензурные выражения, интересовали начальство ответы именно на эти вопросы.

Джек быстро поводит пальцем по своему планшету и, повернув тот к камере, позволил снова потерявшему дар речи Михаилу Юрьевичу прочитать: «Теория Дарвина так и не нашла подтверждения за более чем век своего существования. Лично я считаю ее ошибочной».

- Доктор Самди, - понял происходящее по-своему Нестеренко, - вы с ума сошли! Почему вы в костюме животного? Переодевайтесь немедленно! Сейчас здесь будут журналисты.

Сидящий в кресле и с удовольствием наблюдающий за происходящим Фрэнк жестами предложил тоже подплыть к экрану и помахать ручкой.

- Не надо, - ухмыляясь от уха до уха, и закрывая микрофон ладонью, покачал головой Митрич, - его прямо за пультом тогда удар хватит.

- Короче, у вас десять минут до включения! Соберитесь уже! – возмущенный босс отключился, и как только стих шум помех, все трое космонавтов явственно услышали тоненький, пронзительный писк.

Почти все десять минут ушли на поиски источника непонятного писка. В итоге обнаружил надрывающийся датчик умница Джек, громким угуканьем подозвав компаньонов к одной из панелей в рубке. Он нажал на пару кнопок, и на небольшом экране высветилась устрашающая надпись: «Загрязнение воздуха».

Митрич облился холодным потом: если вышел из строя воздухоочистительный комплекс – хана. Умирать от удушья – страшно и долго. И мучительно. И вообще не хотелось.

- Серьезная проблема? – спросил встревоженный Фрэнк, лицо вмиг посерело, а на лбу выступили капельки пота. - Мы что – задохнемся?!

- Я не знаю.

В голове Митрича замелькал один очень реальный образ: как висит он посреди пустоты, пытаясь втолкнуть хоть немного кислорода в горящие легкие, разевая рот, как

рыбина, вытащенная из воды. И сколько ни мучайся, исход один. Знаете, что страшнее самой смерти? Ждать, когда она придет.

«Подождите, - написал примат, единственный, сохранивший присутствие духа, - сейчас все проверим».

- Я не хочу умирать... - тихо проговорил американец, вторя мыслям техника.

Джек тем временем нажал несколько кнопок и по экрану побежали строчки, начинающиеся со слова «Диагностика». Писк не утихал, зато к нему присоединился сигнал вызова из ЦУПа.

Боже, да как же все это не вовремя!

- Надо сказать им!

- Да не перед всей же прессой!- фыркнул Митрич. – Лучше быстрее попросим переключить нас на специалистов... - на этом слове он запнулся. – Н-да. Пресса и начальство такой сейчас хаос устроят, если узнают, точно упустим время.

«А Нестеренко старший настроится на мстительный лад из-за скандала. А у меня семья там все-таки осталась».

- Но инженерам ЦУПа мы скажем?

- Разумеется!

- Н-ну ладно, - неуверенно согласился Фрэнк.

«Идите, - предложил Джек, быстро выводя буквы на планшете, - отделайтесь от прессы побыстрее и переключайтесь на специалистов, а я тут пока послежу до конца диагностики. До ее завершения все равно никто нам помочь не сможет».

Аркадий Захаров всю жизнь считал себя баловнем судьбы. Жизнь его была полна и насыщена. Он прыгал с парашютом, сплавлялся на катамаране по карельским бурным рекам, завоевывал самых красивых девушек и, не заплатив ни копейки, закончил журфак МГУ. К своим двадцати восьми ему казалось, что он повидал и перепробовал все. Сегодня он попал в число счастливицов, которых допустили на прямую трансляцию с покинувшим Землю кораблем, отправившимся к Марсу. «Посмотреть в глаза настоящим героям», - как выразился главред, настаивавший именно на таком пафосном тоне статьи.

«Да тебе и выдумывать ничего не придется, просто смотри, как они выглядят, слушай, что говорят – вот и материал, - радовался по-мальчишески шеф, - настоящие мужики! Учись, студент!»

Аркадий при всем приобретенном цинизме тоже ловил себя на совсем неуместном сейчас, детском нетерпении. Всплывали невольно в голове старые советские еще мультики, вроде «Тайны третьей планеты». Чувствовать себя ребенком было неприятно, и мысли такие парень от себя гнал.

И вот экран включился...

... и журналист почувствовал, что его лицо невольно вытягивается. Герои выглядели... хм-м-м... негероически, одним словом.

Широкоплечий негр с каким-то жалобно-перепуганным видом, да пятидесятилетний пропитый мужик с глазами побитой дворняги и выражением лица, будто сейчас субботнее утро, он приполз в магазин, а алкоголь сегодня не продают. Беспокойные взгляды их постоянно ускользали куда-то вбок. Аркадию на какой-то миг показалось, что его разыграли. Да не могут ЭТО быть первые люди на Марсе! Мужик попытался незаметно толкнуть чернокожего астронавта в бок и прошипел: «Улыбайся, давай!» Негр послушно растянул лиловые губы, изобразив безрадостный оскал.

- Вот, господа! – воодушевленно завел шарманку плотный лысеющий мужик из ЦУПа, указывая в сторону экрана рукой.- Вот наши герои! Шагнущие в будущее! Это последнее прямое включение, дальше мы сможем обмениваться только записями! А они будут первыми на красной планете! Знакомьтесь! Доктор Фрэнсис Самди и профессор Николай Маслов!

Профессор? Это? Вот же у нас наука в упадке...

На слове «профессор» алкоголик тоже удивленно моргнул, и Аркадий сумел разобрать по губам: «Ну, ни хрена себе».

Ему захотелось помотать головой, отгоняя это видение, а врожденная журналистская чуйка просто таки вопила: что-то в этой истории не так!

...Как вы себя сейчас чувствуете?- решил-таки закончить свой монолог лысоватый цуповец.

Вместо ответа, потенциальные марсиане дружно посмотрели куда-то в сторону. Улыбка помаленьку сползала с лица американского доктора, почему-то больше – с правой

стороны, так что перекосило физиономию. «Абзац», - пробормотал себе под нос странный профессор.

- Что-нибудь случилось? – чуть нахмурился конферансье от науки.

- Не-е-ет, - медленно протянул доктор Самди, снова уставившись вбок, - у нас хорошо...

- Отлично, - добавил профессор Маслов, когда пауза начала затягиваться, - зашибись просто.

А вот тут Аркадий замер, словно голодный волк, наткнувшийся на заячьи свежие следы. Позади странных астронавтов был какой-то выключенный монитор, и с самого его края отражалась... чья-то еще фигура. Журналист вперился в нее взглядом – фигура двигалась, она была большая, темная и не производила впечатления человека.

Вот на кого они все время смотрят! Но что это?!

- ...Скажите нам, остающимся на Земле какое-нибудь напутствие! – попробовал вернуть беседу в конструктивное русло цуповец.

- Э-э-э... - в этот момент непонятная фигура чуть сдвинулась и помахала рукой, привлекая внимание астронавтов. – Э-э-э... Любите Родину, - брякнул профессор-алкаш, потом покосился на своего коллегу и добавил, - обе Родины. Землю, короче. Берегите ее, ага?

А перед глазами застывшего журналиста так и стояла на миг очень четко отразившаяся мохнатая фигура.

«Чубака, - единственное слово, вертевшееся в полностью опустевшем мозгу, - Чубака».

- Э-э-э, да, - вторил негр, - берегите, одна она...

- Вы простите, - решился на что-то профессор Маслов, - у нас тут технический перерыв, и нам бы с самим ЦУПом поговорить, выведете, а?

- Конечно-конечно! – воодушевился лысый, похоже, ощутив себя полезным. - Пара минут и переключу. Господа! Как вы видите...

«Вот оно, - думал потрясенный Аркадий, - вот она – настоящая история. Третий член экипажа, хотя должно быть двое. Определенно, не человек. Вот ради чего я учился на журналиста! Не дадут, разумеется, это напечатать, не дадут. Да и ладно! К черту газету! Я все равно докопаюсь до правды и расскажу е людям! Инопланетяне среди нас, боже мой!»

Когда экран, наконец, погас, выдохнули облегченно все трое.

- Что там, Джек? – нетерпеливо потребовал Митрич, короткими перелетами возвращаясь к монитору с диагностикой.

Надпись на нем была почему-то на английском, так что техник опознал только большое красное «Warning!»

«В воздухе признаки испарения какого-то горючего вещества. Пока, к счастью, только в одном отсеке, технический С1, посмотрите на карту».

Это было очень плохо. Именно там и бесчинствовал пьяный Митрич накануне.

Нахимичил, черт старый. Ладно сам, еще и ребят угробит же... Эх...

- Это конец... - пробормотал Митрич и поймал себя на том, что эта мысль уже приходила ему сегодня в голову.

«Беспокойство не устраняет проблемы, но забирает покой», - взгляд гориллы казался мудрым и печальным.

- Пойду-ка посмотрю, что это за испарения, - буркнул техник подплывшему Фрэнку, - есть тут хоть какие-нибудь костюмы защитные?

- Да, есть, вот этот шкаф. Тран, вы очень смелый человек, - серьезно проговорил американец, тщетно пытаясь поймать взгляд своего лже-коллеги.

- Да ерунда, - техник кое-как облачился в свободную оранжевую робу, пару раз перекувыркнувшись с непривычки, - все. Пошел.

Что еще хуже ожидания смерти – неизвестность. Адреналин в крови требовал делать хоть что-то.

«Я включу громкую связь», - кивнул Джек, изобразив по pasaran.

Закрылась за спиной переборка, отделив Митрича от единственных двух живых существ на мерно гудящем корабле. Он почувствовал себя маленьким и ужасно одиноким, будто бабочка однодневка, которую ураган занес в тундру. Умирать было страшно, но еще больше давило чувство вины, без сомнений, это он вчера испортил что-то своими неумелыми попытками помочь. Черт! Да он даже не помнил, что именно он делал! Зачем он вообще полез в корабль?!

«Осторожно! - горела надпись на экране следующей переборки. – В отсеке С1 отравление воздуха потенциально ядовитыми примесями».

Страшно? Аж жуть.

А что делать? Сам виноват, самому и разбираться.

Он выдохнул, как перед прыжком в ледяную воду, и нажал на кнопку, открывающую переборку. Дверь убийственно медленно отъехала в сторону, а Митрич так и остался торчать на пороге, как пугало огородное.

- Твою ж мать...

- Что, Тран? – перепугав до сердца в пятках, внезапно вырвался из крохотного динамика в стене голос Фрэнка. – Все очень плохо? Да? Плохо?

Но новоявленный профессор Маслов только затрясся от хохота, глядя, как дрожит горячий воздух. Это испарялись с нагретого пола разлитые из опрокинувшейся бутылки остатки того самого Хеннеси. А датчик анализатора воздуха, обнаруживший спирт, гудел, как встревоженный шмель.

- Все хорошо, - сумел-таки ответить техник, - отбой тревоги, возвращаюсь.

Он подобрал бутылку, с жалостью отметив, что не осталось и пары глотков, а потом отправился назад. Корабль перестал казаться проглотившим его чудовищем, гул двигателей теперь успокаивал, как успокаивает стук колес в поезде ночью. Теплый желтый свет лам казался дружелюбным.

«А ведь это теперь все наше, - подумал неожиданно Митрич, - корабль, звезды, космос... А потом, если повезет, целая планета! Новая планета. Интересно, а что мы вообще должны делать там, а? Надо хоть расспросить ребят, Джек наверняка в курсе. Боже, я собираюсь расспрашивать обезьяну, что мы будем делать на Марсе. Какое безумие...»

Митрич вернулся, помахав над головой бутылкой, и Фрэнк, получив объяснения и сличив их с данными на мониторе, рассмеялся от облегчения. Джек же ухнул и пару раз шлепнул себя ладонями по коленям.

- Вот! Еще контрабанда. Увы, вытекла и испарилась.

- Боже мой! – проговорил доктор Самди. – Какое счастье! Как же я испугался!

Это вообще-то было странно.

- Испугались? А разве у вас не проходят строжайший психологический отбор?
- Проходят, - улыбнулся американец смущенно, - крайне строгий.
- Что-то я не заметил в вас, уж простите, особого хладнокровия. Как же вы прошли его?

На лице Фрэнка снова засияла обезоруживающая улыбка.

- Я спал с психологом, составлявшим заключение.
- С женщиной? – подозрительно нахмурился Митрич, невольно пытаясь отодвинуться.
- Нет, ее звали Эвелин. Эва... - шоколадная физиономия приняла мечтательное выражение, он аж причмокнул.
- Но зачем вам понадобилось лететь на Марс? – изумился Митрич.
- А вам? – передал подачу доктор Самди.
- Семье денег дали, - признаться оказалось внезапно просто, - а сам я пьяный был.
- Вот и моим, - ухмыльнулся Фрэнк, - и пенсию неплохую положили. Я был столько должен, что мои самые близкие оказались в безвыходном положении.
- Дети?
- Сын. Зовут Алекс.
- И у меня – сын. Данька. Даниил.
- Что-то библейское?
- Наверде.

Подплывший Джек приобнял их длинными волосатыми ручищами за плечи, а на его планшете светилась надпись: «Не пора ли уже пообедать, друзья? Это успокаивает нервы!»

Есть пюре из пластиковых тюбиков оказалось странно и непривычно. Митрич привык, что пища сначала попадает в рот, потом пережевывается и только потом проглатывается. Никак не мог он отделаться от некой брезгливости и анекдота про «хорошие котлетки, мягкие, всем аулом жевали». Тьфу ты, черт. Фу.

Впрочем, его отвлекала болтовня Фрэнка, рассказывающего о корабле. Оказывается, летели они в огромной почти полностью автоматической оранжерее. После того как они успешно (тьфу-тьфу-тьфу, сплюнул суеверный Митрич) приземлятся, нужно будет разворачивать солнечные батареи, потом включить систему освещения и полива.

Параллельно запуская под поверхность зонды, чем черт не шутит? Вдруг минеральные

удобрения найдутся или вообще вода? Всякое же бывает. Тут же выяснилась причина, почему американец был один – система была полностью автоматическая, он полетел – так уж, на всякий пожарный. Деньги больно семье нужны были.

- Спал с руководителем организации полета? – ухмыльнулся техник, желая подколоть коллегу. – Чтоб тот разрешил?

- Ну да, - простодушно улыбнулся тот, и Митрич ради собственного спокойствия решил не выяснять пол этого самого руководителя.

В это время вновь ожил экран связи с ЦУПом, запищал, требуя внимания.

А ведь прошло всего четверть часа, как с прессой поговорили. А ощущение, что несколько часов. Или целая жизнь.

Появившийся на экране Нестеренко старший был угрюм и непривычно тих.

- Я так понимаю, - начал он с места в карьер, - о проблеме вы уже знаете?

Ну да, сигналы с датчиков же тоже на Землю передаются.

- Мы ее уже решили, - улыбнулся Митрич.

- Н-да? – еще сильнее нахмурился мужчина, и Маслов внезапно понял, как тот постарел за последнюю пару лет, обрюзг весь. – Исправили курс вручную? Интересно, как вы формулу траектории корректировали?

- Курс?.. – не понял техник, чувствуя, как снова предательски екнуло сердце.- Я вообще-то не про это.

- Не про это? А про что? Что у вас там еще случилось?!

- Хеннеси пролился, - и снова признаться оказалось совсем просто, - и датчики воздуха взбесились.

- Охренел ты, Николай Дмитриевич, - грустно сказал большой босс, - курс у вас не верный. Отловили отклонение от рассчитанного. Пытаемся новый высчитать с компенсацией текущей ошибки. Так-то.

Эта новость ошарашила всех, и прежде всего новоявленного профессора.

- И куда мы летим?

- А хрен его знает, Митрич. С программистами хочешь поговорить?

- Хочу, - пересохшие губы согласились сами.

Не вовремя Хеннеси пролился.

На экране показался худой парнишка лет двадцати, в очках и кудрявый.

- Мы сейчас все поправим! Только компенсацию надо досчитать! – зачастил он. – И найти ошибку! Все сделаем, не переживайте!

- Сколько отклонение?

- Пока небольшое совсем. Но сами понимаете...

- Куда мы летим?

- По модели?

- По модели.

- За край солнечной системы.

- Прэлес-с-с-стно.

- Но вы не волнуйтесь! Мы все сейчас поправим.

Тот самый специалист. Студентик. Митрич не стал больше его слушать. Он сел и закрыл лицо руками.

- Похоже, мы все-таки умрем, - проговорил слышавший этот диалог Фрэнк.

Митричу уже настолько надоело за это утро прощаться с жизнью, что ужаса он не испытывал. Апатию и совсем детскую обиду – обещали Марс, и обманули.

- Все умирают.

Доктор Самди вывел на большой монитор изображение с камер на носовой части.

Чернота. Затягивающая пустота с далекими мерцающими искрами холодных далеких звезд.

- Мы будем лететь и лететь, - пробормотал он, - и даже после смерти. Вечно лететь. На Земле мое тело бы сожгли, а пепел хорошее удобрение. Из меня бы трава выросла...

- Трава? – приподнял бровь техник. - Марихуана что ли?

- Ха! А почему бы и нет!

Хороший парень все-таки, этот американец. Как легко заставить его улыбнуться.

Нужно вести очень спокойную и безмятежную жизнь, чтобы к его почти тридцати оставаться таким незамутненным.

- Это была бы самая забористая трава, Фрэнк! От нее бы всем сносило крыши враз!

- Крыши?

- Головы.

- О да! И всем бы виделся космос...

- И гориллы.

- Ха-ха!

Они помолчали.

- Жалко коньяк вылился, - печально пожаловался Митрич Вселенной.

- Очень! – горячо согласился Фрэнк.

«В медотсеке спирт есть. Если хотите».

- Блин! А это идея!

- Нет, Тран, подождите немного. Скоро сеанс связи с моим штабом, мне нужно достойно выглядеть. А вот потом...

- Что – потом? – ухмыльнулся Митрич.

- Как вы смотрите на то, чтобы выпить, профессор?

- Пристально.

Нет, ну а что? Ты сам наломал дров и спичку бросил, Митрич. Теперь хоть гори поярче.

А хрен ли елозить, как говорил сторож дед Владлен.

- А может, нас инопланетяне подберут? – с надеждой предложил идею доктор Самди.

Техник почти смирился с происходящим, когда на экране появились очень официальные лица, загорелые, белозубые, венчающие собой подтянутые торсы, наряженные в парадные мундиры. Очень «не наши», словом. После обмена приветствиями Фрэнк перешел к сути дела.

- У нас неверный курс, сэр, - система послушно отобразила внизу экрана субтитры, позволяя Митричу понимать суть диалога.

- Что значит – неверный? – сурово нахмурился генерал с чеканным профилем, достойным увековечивания в бронзе.

- Мы не попадем на Марс, сэр, - развел руками Фрэнк, словно извиняясь, - корабль уйдет за пределы солнечной системы. Простите, сэр, но я не смогу выполнить возложенную на меня миссию...

Еще с четверть часа доктора пытали на тему подробностей произошедшего. По ту сторону экрана началась суматоха, как в театральной гримерке, по которой

прошмыгнуламышь. Серьезные люди забегали, не теряя своей серьезности. Наконец, молодой парень в чине лейтенанта подал высокому начальству какой-то лист бумаги.

- Что вы говорите, доктор Самди! – взревел тот. - У вас абсолютно верный курс! Ни намека на отклонение нет.

- Как это? – опешил влезший в экран Митрич, успевший уже окончательно попрощаться со своей непутевой жизнью.

- Кто это?! – немедленно отозвался генерал.

- Мистер Тран, он русский... Профессор, - зачем-то уточнил замаявшийся Фрэнк.

- Когда появился второй астронавт?! Мы не согласовывали!

- Пусть связываются с ЦУПом «Северного», - предложил Митрич, - пусть они объясняют, меня очередную бредовуху придумывать не хватит. Но курс? Курс точно нормальный? Переспроси!

- Все идеально, - смилостивился, наконец, военный, видя неадекватность собеседника, - доктор Самди, объясните, наконец, что у вас там происходит?!

Митрич снова отплыл в сторону, предоставив разбираться коллеге. Он висел в середине кабины, раскинув руки в стороны, как развалившийся на пляже отпускник – расслабленно, бездумно.

- Джек, - позвал он, - живем, а? Может, и вправду, Марс увидим?

- Угук, - важно кивнул тот, показывая большой палец.

- А почему наши-то думают, что мы куда-то не туда летим?

- Угук?

- Ну, не наши – мои? Которые в российском ЦУПе-то?

- Угук...

- Вот и я не понимаю. Джек? Можно, я буду звать тебя Чубака?

- Угук!!!

- Шутка-шутка.

Ругался о чем-то с бравым генералом перенервничавший Фрэнк, гудели приборы, мягкий золотистый свет лился из чуть приглушенных ламп. Джек, плавающий в невесомости в метре от техника, с сосредоточенным видом листал книгу, выглядел при этом совершенно комично, машинально шевеля губами при чтении.

На центральном мониторе сияла оставшаяся позади Земля.

Все.

Не будет ни курса доллара, ни кортежей с мигалками, ни разборок с Украиной, ни телевизора, ни новостей, ни религиозных споров, ни террористов. На хрен идет международная политика, цена на нефть, европы и ближние восток. И на самый большой хрен – чиновники, олигархи и прочая их братия.

А будет огромная электронная библиотека и много-много времени. А потом, если повезет, красная планета, первая оранжерея, что мы там растить-то кстати будем? Я ж ничего не в гидропонике ни в ботанике... А какого черта? Выучусь! И разберусь, как эта автоматика для выращивания работает. Сколько лет я не учился? Встряхну пыль с мозгов.

А самое лучшее, что тут нет водки.

Хех.

- Dearme! – выдохнул Фрэнк, желая, видимо, сказать что-нибудь покрепче, но стеснясь старшего товарища.- Отстали! Джекки, тебя все еще ищут, - он для убедительности потыкал пальцем в сторону экрана.

Примат поднял одну бровь, а потом издал пренебрежительный звук.

- Точно,- усмехнулся Митрич, - нас уже никто не достанет.

- Разве что, лазерным оружием, - улыбнулся доктор Самди, - я знаю, у КГБ оно есть!

- Ага, прямо звезда смерти.

- Ну, признайся! Есть же!

- А то!

- Оу, а вот и снова твои, - как это говорится? – товарищи.

- Да сколько можно-то?

На экране, перекошенное от усиливающихся помех, появилось изрядно надоевшее лицо Нестеренко-старшего. Красное и довольное, будто бы он крепко выпил.

- Дмитрий! – чуть не завопил большой босс, а, похоже, изрядно он перенервничал за этот день, вон аж вся спесь слетела, как шелуха. – А ты жить будешь! Бу-у-удешь!

Правильный курс-то! Смотри, кого мы нашли! Дома он был! Спал, прикинь!

В этот момент Михаил Юрьевич, приобняв за плечи, втащил в кадр зеленого с похмелья, как потускневшая медь, главного инженера.

- Ну, ты вообще – как так, Митрич? – прохрипел тот, щуря подслеповато красные глазки на монитор. – Ну, ты, блин, учудил.

- Чего с курсом-то, Степаныч? Ты б меня успокоил, а?

Главный инженер потер лицо большими морщинистыми ладонями и снова уставился на друга.

- Что, старик, нихрена не помнишь, да? Ладно. Мы вчера с тобой пошли перепроверять расчеты траектории. Ты ж сам сказал – бабки попилили, на нормальных специалистов не хватило, набрали студентов по объявлению, чего они насчитают, - Нестеренко на этом месте выпучил глаза, но перебивать не стал, сдержался, - и слава богу! Нашли мы с тобой ошибку, пересчитали, так траектория ж уже задана была в корабле. Ждать до утра и объяснять, что надо поправить, ты не пожелал. Я в корабль по состоянию здоровья не влез уже. Вот ты и вызвался сам. И видишь, поправил же. Молодчага же! Не пропил еще мозги.

- Но это – точно? Железно прямо?

- Да точно! Мы с коллегами из штатов только связывались. Все расчеты теперь у нас совпадают.

- Так, понятно, как я попал внутрь. Но остался-то я тут почему?- Митрич почувал, что вплотную подобрался к разгадке причины такого крутого поворота в своей жизни.

- Так ты остался сервисных ждать, которые утром должны диагностику проводить были. Чтоб лично сказать им, что мы исправили. Видимо, уснул...

- Так почему ж они меня не разбудили-то?!

- Так чтоб все осмотреть штатно, три специалиста нужно, а у нас-то денег только на одного набрали... - проворчал Степаныч. – Вот он и подумал – чего второпях напрягаться, раз американцы все до болтика «почекали»? Топливный проверил, да системы жизнеобеспечения погонял, а в серверную не полез, чтоб ни дай бог. Она ж и опечатанная была после американцев-то.

- Ну чего,- улыбнулся Митрич другу, - трандец, ага.

- Летишь?

- Лечу.

- А чего рож-то такая довольная?

- Честно?

- Ну!

- Так все, Степаныч, свобода ж! На Земле стало слишком много людей, а среди них – слишком много идиотов. А я от идиотов устал. Да и мир, в котором больше нет белых пятен, зато на каждом столбе камеры понатыканы, становится похож на тюрьму.

- Я тоже устал от идиотов,- грустно проговорил главный инженер.

- И я,- вклинился неожиданно Нестеренко,- реально же, одни идиоты кругом! Вот вчера...

Но астронавт профессор Николай Маслов его не слушал, он раздумывал, с чего начать изучение терраформирования? С ботаники? Или вправду лучше с Джеком посоветоваться?